

Валери Древилль — «Газете»



«Больше всего на свете я люблю учиться»

Сегодня в театре «Школа драматического искусства», возможно, последний раз в России будет сыгран спектакль Анатолия Васильева по пьесе Хайнера Мюллера «Медее-материал». Поставленный четыре года назад для выдающейся французской актрисы Валери Древилль, он шел, увы, по большей части на известных европейских фестивалях, включая Авиньонский, а в Москве исполнялся не так часто, как хотелось бы. Раньше Валери Древилль играла Медею в здании «Школы драматического искусства» на Поварской, а нынешнюю серию спектаклей Анатолий Васильев приспособил к огромному пространству своего нового театра на Сретенке. Перед тем как «Медее-материал» окончательно исчезнет из московской театральной жизни, корреспондент «Газеты» Глеб Ситковский побеседовал с исполнительницей главной и единственной роли в этом спектакле Валери Древилль.

Когда я подходил к Васильеву после вчерашней «Медее», он сказал, что считает вас своей идеальной ученицей, что никто из русских актеров не перенял его методику в той мере, в какой это сделали вы. Но вам приходится работать и с другими режиссерами. Трудно, наверное, поработав с Васильевым, возвращаться к бытовой речи на сцене?

Конечно. Этой методикой невозможно пользоваться с другими режиссерами. Однако я не могу сказать, что в спектаклях, поставленных французскими режиссерами, я совершенно не использую мой опыт, полученный во время работы с Васильевым. Что-то все равно в тебе остается.

Раньше вы работали в театре «Комеди Франсез», который ставит одной из своих главных задач сохранение французского языка и его мелодики. В «Медее-материале» Васильев совершает нечто совершенно противоположное — он разрушает французский язык, и тот начинает звучать как варварское наречие...

Не совсем согласна, что в «Комеди Франсез» сохраняют язык.

Возможно, это было когда-то, но сейчас это не так. Я была в «Комеди Франсез» только четыре года, и пришла туда только потому, что театр возглавил Антуан Витез. Он был моим первым мастером, режиссером и просто другом. Я очень любила его, отношения между нами были просто уникальными, и ради него я согласилась прийти в «Комеди Франсез». Мы и до этого работали с ним вместе, в том числе в театре «Шайо». Но не могу сказать, что я чувствовала себя в «Комеди Франсез» на своем месте. Этот этап был переходным для меня. Что касается вашего вопроса насчет Васильева, то это правда: язык действительно разрушается. Мы начинали работать над «Медеей» четыре года назад. Когда мы с ним стали работать над техникой речи, я вдруг перестала узнавать собственный язык, он стал мне как чужой. Другая мелодика, другой ритм, и получаются совершенно другие образы. Очень странное ощущение, но в то же время очень положительное. Такое чувство, будто твой язык рождается заново.

Пьеса Хайнера Мюллера называется «Медее-материал». А актер, работающий с Васильевым, ощущает себя материалом в руках режиссера или со-творцом? Он должен быть думающим, интеллектуальным или это не важно?

Нет, совершенно нет. Актер, конечно, должен быть разумным и понимающим, но когда он начинает действовать, он должен забыть о здравом смысле.

Насколько трудно вам далось решение уехать работать к Васильеву в чужую холодную страну?

Абсолютно нетрудно. Я работала с Витезом, и отношения с Васильевым очень похожи на те, что у меня были с Витезом. Я была как ученица в школе и очень радовалась этому. Больше всего на свете я люблю учиться. Это вообще самое лучшее, что есть в жизни. В 27 лет я попала в «Комеди Франсез», а через 2 года Витез неожиданно умер. Я понимала, что мне нужно учиться профессии дальше. Работая в «Комеди Франсез», это совершенно невозможно. Там надо играть по два, три, четыре спектакля в неделю. Вы должны быть профессионалом — и больше ничего. Есть

очень много людей, которые так и делают, и их это устраивает. Но меня никогда не интересовала карьера. Совершенно. Гораздо больше мне хотелось изучать то, чего я не знаю. Открыть какую-то неизвестную территорию, не просто быть актером, а попытаться понять жизнь на каком-то метафизическом, религиозном уровне. Я понимала, что в «Комеди Франсез» такого никогда не будет. И как раз в этот момент своей жизни я встретила Васильева.

Да, но вам пришлось на время поменять среду обитания и переехать в Россию, где жизнь совсем не так хорошо налажена, как во Франции. Вам знакомые, случайно, не говорили: «Ты сошла с ума, куда ты едешь?»

Говорили, конечно. Но я не придавала этому особого значения. Я никогда не относилась к России как к какой-то далекой, неизвестной стране. Я много слышала о России уже в детстве от своего отца, а потом познакомилась с Витезом, он очень хорошо говорил по-русски и прекрасно знал русскую культуру. Для меня Россия — это не экзотика.

Как у вас складываются отношения с кинематографом во Франции?

Они не очень регулярные. Я шла работать в кино только тогда, когда встречала там каких-то людей, интересных мне. Мне не хочется делать карьеру в кино, добиваться каких-то ролей. Мне это неинтересно.

А как же слава? А как же большие гонорары?

Видимо, этим надо было заниматься с молодости. А сейчас это невозможно, я все равно уже не смогу стать звездой.

Однако во Франции вас хорошо знают как актрису.

Ну да, я известная. В театре. Но я не могу сказать, что я звезда. Театральная актриса во Франции не может стать звездой, это дает только кинематограф. Тем не менее я люблю сниматься в кино. Это совсем не похоже на работу в театре, но если режиссер интересный, то это очень увлекательно.

Как во Франции относились к тому, что вы, играя Ме-

дею, разрушаете строй французского языка? Все-таки у французов, как мне кажется, гораздо более трепетное отношение к своему языку, чем у русских.

По-разному относились, но в целом хорошо. Лучше, когда люди тебя не понимают. Пускай они лучше не поймут слов, но зато поймут тебя другими путями. Во французском театре зачастую смысл текста гораздо более важен для людей, чем все остальное, и это нехорошо. Васильев действует совершенно по-другому. Поэтому, когда мы играем во Франции, зрителям или очень нравится то, что мы делаем, или очень не нравится. Середины нет.

Знаю, что вы сейчас начинаете репетировать с Васильевым новый спектакль, и он, как всегда, все держит в глубокой тайне. Может быть, хоть вы намекнете, что это будет?

Я тоже не хочу говорить, раз он не хочет. Но могу сказать, что на сей раз это будет не моноспектакль. Наверняка известно, что будет играть еще один французский актер, но, возможно, там будут участвовать и русские.

Что вы сейчас делаете во Франции?

Сейчас я снова буду работать с Клодом Режи. Он поставил со мной в Национальном театре Бретани моноспектакль «Псалмы» по Библии. После этого начну репетировать в спектакле «Стул» по пьесе английского драматурга Эдуарда Бонда.

Практически все предложения, которые вы как актриса принимаете, так или иначе связаны с экспериментальным театром?

Мне кажется, что театр не может быть не экспериментальным. Иначе вообще не стоит им заниматься. Эксперимент с актером или с текстом — он обязательно должен присутствовать.

Но в том же «Комеди Франсез», например, эксперименты не очень приветствуются.

Да. И, к сожалению, так сейчас почти везде. Представляете? Где он, этот experience? А без него ведь вообще неинтересно быть актером.

Провокационный вопрос: кем вы себя сейчас ощущаете? Вы актриса школы Витеза или школы Васильева?

(Смеется.) Нет-нет, я не буду выбирать между ними. Мне кажется, что это моя судьба. Дорогу, которая оборвалась со смертью Витеза, сейчас продолжает Васильев.

Вам кажется, что они занимаются похожими вещами в искусстве?

Очень похожими, но на каком-то глубинном уровне. Внешне нет, конечно. Другая форма спектакля, многое отличается. Но на глубинных уровнях они очень близки. И оба — хорошие педагоги. Такое встречается очень редко. Человек, попавший к ним, может расти и внутренне меняться. Таких людей в моей жизни было только два, но и этого достаточно. Мне ужасно повезло.

Между Витезом и Васильевым

Актерская карьера Валери Древилль началась, когда ей было 16 лет. Снималась она в маленьких ролях в кино и на телевидении, а через три года, осознав, что нуждается в настоящем театральном образовании, решила поступить в театральную школу Антуана Витеза. После окончания школы и учебы в Парижской консерватории играла в спектаклях Антуана Витеза в парижском театре «Шайо» — в «Электре» Софокла, «Атласном башмачке» Поля Клоделя, «Селестине» Фернандо де Рохаса, «Жизни Галилея» Бертольда Брехта. После того как Антуан Витез возглавил театр «Комеди Франсез», Древилль становится в 1989 году актрисой этого театра. В 1992 году сыграла Нину в лермонтовском «Маскараде» у Анатолия Васильева, приглашенного специально для этой постановки в «Комеди Франсез». Покинув в 1993 году «Комеди Франсез», Древилль переехала в Москву, чтобы продолжить свое актерское образование в «Школе драматического искусства». В 1998 году сыграла расиновскую Федру в спектакле Люка Бонди в театре «Види-Лозанн Э. Т. Е.». В 2001 году исполнила роль Медеи в спектакле Анатолия Васильева «Медее-материал».